

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

БОРИС ДОКТОРОВ,

доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США)

Юрий Левада. Портрет для потомков В связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А.Леваде

Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / [сост. Т.В.Левада]. — Москва : Издатель Карпов Е.В., 2010. — 471 с. : ил.

В этом году Юрию Александровичу Леваде (1930–2006) исполнилось бы 80 лет, он не дожил до этого юбилея три года. За прошедшее время появилась достаточно обширная литература о его жизни и творчестве, как мемуарного, так и аналитического характера. Оставлю в стороне некрологи, написанные в траурные дни, хотя в них было многое сказано о нем как человеке и ученом. К тому же ряд положений, высказанных в этих кратких, спонтанно возникших записках, позже были развиты и аргументированы их авторами.

Серией материалов, собранных в двух первых выпусках “Социологического журнала” за 2008 год, положено начало созданию объемного портрета Левады. В первом выпуске опубликовано интервью, данное им Д.Шалину в начале февраля 1990 года в Бостоне, и тщательный комментарий этой беседы, выполненный Шалиным. В следующем номере журнала подборка текстов о Леваде открывается историко-аналитической статьей Б.Докторова и включает воспоминания А.Алексеева, И.Кона, А.Левинсона, А.Назимовой и В.Шейниса, Б.Фирсова, В.Ядова. Примерно в то же время вышли мемуары Т.Заславской и И.Кона, в которых есть страницы, отведенные воспоминаниям о Леваде.

Весьма интересны и содержательны интервью, проведенные накануне 80-летия Левады московским социологом и журналистом Любовью Борусяк. Это серия бесед, записанных на видео и размещенных на популярном сетевом портале “Полит.Ру” в цикле “Взрослые люди”. О Леваде рассказали: О.Генисаретский, А.Гофман, Л.Гудков, Б.Дубин, В.Долгий-Раппопорт, Н.Зоркая, И.Кон, А.Левинсон, Т.Шанин, Б.Юдин и В.Ядов.

В мае этого года вышла книга воспоминаний [Воспоминания, 2010¹] о Леваде, составленная и изданная его вдовой, Тамарой Васильевной Левадой. Это обстоятельство во многом определило присутствие в сборнике материалов из архива Левады, широкий подбор авторов текстов и наличие в нем редких фотографий Юрия Александровича. Ряд из перечисленных выше материалов вошли в эту книгу полностью или в сокращенном варианте. Но, естественно, есть много нового. Книге суждено было стать библиографической редкостью. Очевидно, что ее захотят прочесть не только многие социологи, поллстеры и журналисты, но и представители разных групп интеллигенции, на протяжении двух десятилетий следившие за результатами опросов сначала “старого ВЦИОМа”, а затем — “Левада-Центра”. Но ее тираж — 150 экземпляров; он уже разошелся между друзьями Левады, его коллегами и соавторами книги.

Два фактора объясняют тот факт, что за два года после смерти Левады появилось столь обширная и многожанровая литература о нем. Первый — объективный, пришло время для изучения прошлого советской/российской социологии, постепенно приходит осознание критичности времени, невозможности откладывать “на потом” анализ сделанного первыми поколениями отечественной социологии. Второй фактор — субъективный. Личность и творчество Левады заслуживают всестороннего анализа и представляют интерес для историков современной социологии и, более широко, культуры российского общества второй половины XX века и начала наступившего столетия. Прокомментирую кратко сказанное.

История как наука — дальнорюк и несуетна, те или иные события и процессы становятся ей интересны, только когда их можно расположить в долгией временной ряд и поместить в широкий событийный контекст. Сказанное имеет универсальное значение, в частности это применимо к истории науки и к изучению жизни и творчества тех, кто внес в ее развитие значительный вклад. Но прошлое может быть проанализировано и понято, только если общество уважает и ценит настоящее, если сохраняются предметы, относящиеся к быстро уходящему сегодня, если современники не только хранят в памяти виденное и пережитое, но и документируют все это. Легко заметить: когда человек задавлен государством и бытом, когда главная утренняя забота — дожить до вечера, тогда настоящего не существует. Тем более — будущего, а прошлое превращается в несбыточную мечту. Напротив, общество, пребывающее на подъеме, к примеру, Россия в период “оттепели” и перестройки, находит в себе силы и кураж жить сегодня, думать о будущем и обращаться к своему прошлому.

Российская социология недавно вступила в свое второе пятидесятилетие, срок не столь уж значительный даже в сравнении с продолжительностью жизни человека в современном цивилизованном обществе и совсем “детский” в масштабах развития науки. Однако празднование первого серьезного юбилея российской социологии, состоявшееся в 2008 году, обнаружило множество проблем историко-научоведческого плана; укажу две из них. Во-первых, многое из происшедшего относительно недавно не задокументировано и уже забыто. Во-вторых, интерес к этому прошлому остается невысоким. Причина первой проблемы коренится в специфике становления и развития советской социологии в конце 1950-х — в 1980-х годах, в частности, в неопределенности статуса этой науки и неуверенности ученых относительно ее будущего. Проблема вторая порождена сменой парадигм советской и современной российской социологии и появлением новых поколений социологов, не чувствующих — возможно, даже отрицающих — свое “родство” с теми, кто начал исследования за несколько десятилетий до их профессионального самоопределения.

Один из эффективных путей приобщения людей к науке, культивации интереса к ее прошлому заключается в ознакомлении их с биографиями и творческим наследием тех, кем эта наука создавалась. Еще десять лет назад этот канал формирования

---

¹ Далее ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в скобках.

профессионального сознания и цементирувания межпоколенных связей в российском социологическом сообществе начисто отсутствовал, сейчас ситуация меняется к лучшему. С одной стороны, постепенно накапливается банк биографий — это интервью с действующими социологами и их небольшие автобиографические заметки, эссе; с другой — появляются мемуары социологов “первого призыва” и воспоминания о тех, кого в последние годы не стало.

Если говорить об источниках первого рода, то это прежде всего книга о российских социологах, выпущенная под редакцией Г.Батыгина [Российская социология, 1999], серия публикаций в “Социологическом журнале” и издании Петербургского государственного университета “Журнал социологии и социальной антропологии”. В последние годы одним из важнейших источников биографий российских социологов стал “Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований”. Рубрика “Современная история российской социологии” появилась в нем в выпуске № 4 за 2004 год, и с тех пор все номера журнала (шесть раз в году) содержали материалы на эту тему. К этой же группе биографических источников относится и сайт российско-американского проекта “Международная биографическая инициатива” [Международная...]. На нем расположено большинство биографий, опубликованных в перечисленных выше журналах, и другая историко-биографическая информация.

Социолого-мемуарная литература появилась лишь в самые последние годы. Отмечу здесь воспоминания Т.Заславской, И.Кона, С.Кутеля, тюменского социолога А.Силина, Н.Руткевича, книгу к 80-летию В.Ядова, сборник памяти Л.Когана. Возможно, существуют сетевые варианты мемуаров, мне известны лишь воспоминания Э.Соколова [Соколов (Интернет-ресурс)]. Имеет смысл также сказать о работах более общего характера, в которых их авторы-социологи отводят значительное место автобиографическим сюжетам. Назову книги А.Готлиб о качественном социологическом исследовании [Готлиб, 2004], Б.Фирсова о разномыслии в СССР [Фирсов, 2003], В.Шляпентоха о страхе и дружбе в советском обществе [Шляпентох, 2003].

Именно к этому кругу источников историко-биографической направленности и относится книга воспоминаний о Юрии Александровиче Леваде. Всех авторов материалов, включенных в нее, можно разделить на четыре группы.

Первую группу образует один человек — Юрий Левада. Совсем немного материалов. Два биографических интервью: одно — упомянутое выше, другое — опубликованное в журнале “Прямые инвестиции” (2005, № 6) и содержащее ряд воспоминаний о его детстве и студенческих годах. Третий материал — эссе Левады о том, что было написано в его культурологической заметке урбанистического характера (“Знание — сила”, 1977) и о чем он не смог написать. В те годы Левада был опальным, и лишь вмешательство секретаря ЦК КПСС М.Зимянина, как-то узнавшего о проблемах журнала, дало ему “зеленый свет”. Завершает сборник статья Левады (“Неприкосновенный запас”, 2001, № 5) с его видением общественного мнения на рубеже XX–XXI веков. Вошло в сборник и уже публиковавшееся выступление Левады [Российская социология, 1999: с. 485–491] на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, состоявшееся 24 ноября 1969 года. Это его возражения критикам его “Лекций” по социологии.

Отойду от строгих историко-социологических тем и коснусь литературно-социологического юмора, тоже части истории. В интервью В.Ядова, данном Л.Борусьяк, он сказал, имея в виду один из семинаров на эстонском хуторе Кэярику: “Короче говоря, туда приезжал Губерман. Губерман в социологии ни черта не понимал, но он веселый человек, шутник, у него великолепный юмор. И Губерман сочинил там такие стихи, к сожалению, я помню только их конец: “И на растоптанных левадах пасутся жирные слоны” [Интервью с Ядовым]. А в воспоминаниях Л.Столовича отмечено, что во время начавшегося погрома нарождавшейся отечественной социологии Наум Коржавин писал: “И на растоптанных Левадах пасутся жирные ослы” [Столович, 2009: с. 334]. В одном из недавних писем Столович отметил, что он сам слышал

от Коржавина этот текст, но запомнил только данную строчку. В семейном архиве Левады этот стих сохранился и включен в обсуждаемый сборник (с. 125)]; он посвящен “тов. Ягодкину”, тому самому секретарю парткома МГУ, который стоял за шельмованием книги Левады:

Социология на спаде:
Побиты волки о орлы.
И на растоптанной Леваде
Пасутся весело ослы.

И все вокруг для них красиво.
Чиста, свежа, сладка еда.
И я б уехал из России
Навек — но только вот куда?

А никуда! Хоть жизни гаже
Нигде я больше не нашел,
Терплю. И кажется мне даже,
Что я и сам теперь осел.

Н. Коржавин
22 января 1974 г.
(48 лет без Ленина)

Вторая группа авторов сборника — это вдова Левады, познакомившаяся с ним в 1947 году на первом курсе философского факультета МГУ и полвека бывшая его женой, и его сын от первого брака В.Русинов. По моему мнению, сказанное ими непременно будет учитываться в попытках постижения глубин внутреннего мира Левады. Т.Левада вспоминает слова ее отца, сказанные после знакомства с ее будущим мужем: “Если решишь выйти за него, тебе, скорее всего, придется туго. Ведь главное — не мешать ему. Не следует ему мешать ни при каких обстоятельствах” (с. 55). И далее: “Со мной установились у него теплые отношения, чуть насмешливые с его стороны, похожие на те первоначальные, студенческие. Я же все 50 лет старалась не мешать ему и блисти дом. Это была единственная, доступная мне форма поддержки мужа. Свою работу, круг своих сотрудников он отгородил от меня твердо, раз и навсегда” (с. 56). Сложными были и отношения Левады с его сыном. В.Русинов описывает, с каким интересом он обсуждал с отцом происходившее в стране, говорит о его внимании к внукам. Вместе с тем он вспоминает о долгих паузах в их регулярных воскресных телефонных разговорах и объясняет их отсутствием общения с отцом в детстве, то есть отсутствием общей памяти. На вопросы сына о его работе, о делах Центра Левада всегда отвечал односложно, показывая, что это не тема для их обсуждения. И грустно завершается этот рассказ: “Я так и не спросил его о чем-то самом важном, так и не назвал при жизни отцом, теперь этого уже не сделать” (с. 227).

Третья группа — школьный друг и несколько человек, учившихся с Левадой на философском факультете МГУ. Все это ценная информация для понимания процесса формирования его личности, гражданской позиции, отношения к себе и окружающим. Жанр и цели этой заметки освобождают меня от углубленного анализа этого процесса, но некоторые факты из воспоминаний людей, наблюдавших Леваду в детстве — юности — ранней молодости, считаю необходимым привести.

Левада родился и за исключением нескольких лет, проведенных в эвакуации в Тюмени, до поступления в МГУ жил в Виннице. Его дед, происходивший из семьи выкрестов, был медиком и фармацевтом, высоко образованным человеком, в молодости он состоял в боевом крыле “Народной воли”. Известен как один из создателей Винницкого медицинского института в 1935 году. В 1936–1937 его заподозрили в шпионаже в пользу Японии, пришли арестовывать. Но дед был болен раком, и ему дали умереть дома. Похороны прошли тихо, негласно. Бабушка принадлежала к ста-

рому польско-литовскому графскому роду Сангелло. В те времена об этом лучше было помалкивать. В семье говорили по-русски, по-украински и по-польски.

Мать Левады была волевой, образованной женщиной, журналисткой. Отчимом, усыновившим Леваду, был Александр Степанович Левада, ставший известным украинским писателем. После войны он не вернулся в эту семью. Т.Левада вспоминает, как она столкнулась с “жесткой, даже чересчур жесткой Юриной бескомпромиссностью”. Тогда они только поженились, и без предупреждения приехал Александр Степанович. “Юра как сидел за работой спиной к вошедшему, так и не повернулся, не поздоровался. Тот вручил мне презент и поспешил проститься. Юра не шелухнулся. А ведь любил батьку. Искал в магазинах и покупал его сочинения. Переживал, когда тот оказался в зоне Чернобыльской аварии. Но не простил” (с. 56).

Родным отцом Левады был профессор ленинградского Педагогического института им. М.Покровского (а позже — Педагогического института имени А.И.Герцена) Моисей Александрович Коган, историк-медиевист, одно время — декан исторического факультета. По воспоминаниям И.Кона и А.Гофмана, он был эрудированным человеком, знавшим много языков и пользовавшимся большим уважением студентов. Ю.Левада был очень похож на отца. С отцом Левада общался крайне редко и не рассказывал о нем ни в семье, ни друзьям.

Все приведенное позволяет согласиться со словами Т.Левады: “...эта генеалогия, а главное, отношение к ней ближайшего окружения, во многом объясняли Юрин характер, в том числе и жесткую его бескомпромиссность” (с. 58).

В школе Левада всегда был лучшим учеником, отличником и стал золотым медалистом. Рано вступил в комсомол, ездил с лекциями по деревням, хотя в районе оставались бандеровцы. С друзьями выпустил несколько номеров нелегальной стенной газеты “ИКС”, ее запретили, но чудом не узнали, кто ее издавал.

На курсе, на котором с ним училось несколько ярких студентов, позже ставших известными учеными, Левада был “звездой”; он был самым младшим по возрасту, многие студенты прошли через войну, были членами партии. Еще до поступления в университет он многое прочел и всегда прекрасно учился, его выступления на семинарах отличались аналитичностью и знанием предмета. Его сотрудничество с областной газетой началось еще в школьные годы — там работала его мать. В университете он был избран редактором курсовой газеты. Годы его студенчества — 1947–1952 — не лучшие для философии и личного становления: страх, доносительство, подозрительность, аресты. Левада уже тогда отличался мужеством, разумностью, честностью по отношению к товарищам. Закономерно, что несколько позже друзья Левады и сотрудники Института конкретных социальных исследований АН СССР, да и не только, называли его между собою “Большая добрая Левада”. Ему доверяли. Когда один из его друзей сообщил ему, что в школе выпускал нелегальную газету, Левада серьезно ответил ему, что об этом никому говорить не надо. Другой вспомнил, что ночью 1949 года его арестовали, а его жену — однокурсницу выставляли из общежития с чемоданом и узлами. На телефонный звонок откликнулись лишь Левада и его друг. Они приехали, устроили девушку у однокурсницы. Во всю разгоралась борьба с “безродными космополитами”. Обвинили в космополитизме и Леваду, у него в общежитии над кроватью обнаружили портреты двух евреев-философов: Маркса и Спинозы. Туча прошла мимо: первый был изъят из обвинения, а одного второго оказалось мало для наказания.

Но, безусловно, самая многочисленная группа участников сборника — это социологи Москвы и Петербурга, в разное время работавшие с Левадой, посещавшие его семинар или просто общавшиеся с ним. Невозможно даже перечислить, назвать то множество сюжетов из жизни Левады, его поступков, высказываний, которые остались в памяти всех этих людей, самих много в жизни повидавших и размышлявших о прожитом. Приведу лишь ряд обобщенных оценочных суждений о нем, на мой взгляд, дающих представление о Леваде как ученом, гражданине и личности.

Поскольку часто такие высказывания многоаспектны, нет оснований для их строгой классификации.

Н.Латин: “Юрий Александрович сам создал для себя этот гражданский, научный, нравственный пост “дежурного по России” аналитика и оставался на этом посту до последней минуты жизни. Он не был участником военных сражений и вообще был против войн, но он совершил поистине ратный гражданский подвиг” (с. 86).

А.Гофман: “Своим научным творчеством, своей организационной деятельностью, своей личностью, всей своей жизнью Левада доказал, что и в условиях тоталитарного и авторитарного обществ можно быть выдающимся ученым, честным, порядочным и свободным человеком” (с. 100–101).

Б.Фирсов: “Он относился к числу людей, твердо усвоивших на примерах идеологической войны, которую в 1950-е годы вела партия против космополитов и антипатриотов, “засевших” в различных сферах литературы, искусства, культуры, науки, что раскаяние мало кому помогает, не говоря уже о том, что “кающийся грешник” только ухудшает и дело, и собственное положение” (с. 265).

А.Вишневский: “И все же истинный масштаб Левады определяется не тем, что он умел профессионально улавливать рокот народного океана, а тем, как много открывалось ему в этом рокоте...” (с. 126).

Б.Докторов: “В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера — в действительности он таковым был. Прежде всего это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения” (с. 275).

И.Кон: “Жизнь Юрия Левады — не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае — хлопнув дверью. У Юры такой опыт был” (с. 218).

В.Шляпентох: “И его мужество опять оказалось важным для общества, когда ВЦИОМ у него отобрали и многие, до того как была создана новая фирма — “Левада-центр”, стали опять опасаться за его будущее. Но, по-моему, самый яркий период в жизни Левады относится к тому ужасному времени, в котором он так мужественно выстоял” (с. 139).

А.Алексеев: “Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю.А.Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам <...> вполне про себя знал, — его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях” (с. 87).

А.Назимова, В.Шейнис: “Он жил в своей стране и в свое время. Умный и все понимающий человек, он знал общество, в котором жил. Не поддавался иллюзиям, но и не приспособливался к унижительным обстоятельствам жизни большинства наших академических учреждений. Писал и говорил то, что думал, и никогда не позволял себе утверждать то, во что не верил” (с. 151).

Д.Шалин: “Левада — человек общественный — *par excellence*. Его частная жизнь — вне поля зрения. Что меня удивило в многочисленных сообщениях о смерти Левады, — это отсутствие каких-либо сведений о его частной жизни” (с. 305).

Л.Гудков: “После смерти Ю.А.Левада был почти единодушно признан “безусловным моральным авторитетом” и наиболее ярким или даже самым крупным ученым в российской социологии. Однако работы Левады, как и прежде, остаются мало известными” (с. 367).

Т.Заславская: “Обладая необыкновенным талантом, Юрий Александрович в труднейших условиях сумел сформировать собственную научную школу, и я рада, что работа во ВЦИОМ дала новый толчок ее развитию” (с. 211).

А.Здравомыслов: “На наш взгляд, наиболее существенный вклад в разработку вопросов социологической теории представляют собой публикации Ю.А.Левады.

Сейчас можно сказать, что его публикации в “Мониторинге” задают стандарт теоретического мышления российским социологам и, возможно, социологам всего постсоветского пространства (по крайней мере в рамках сайентистской артикуляции социологического знания)” (с. 439).

В.Ядов: “Я сам трудоголик и умею отдыхать лишь в период отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: “Привет, старик, как дела?” Заметьте — не как себя чувствуешь, а как работается” (с. 230).

А.Левинсон: “Он работал всегда. Он не переставал работать в периоды, когда на него давили. Он не переставал работать, когда судьба лишила его самых близких. Он не перестал работать в болезнях. Он не был трудоголиком и не убегал в работу от жизни. Работа была условием жизни. И условием смерти. Все знают, что он встретил кончину за своим рабочим столом, и не один я думаю, что он сам продиктовал смерти эти условия” (с. 183).

Т.Шанин: “Без Юры стало в Москве холодно и хуже” (с. 212).

Составители сборника поступили по-человечески правильно и в научном плане обоснованно, включив в него небольшую статью украинского социолога *Е.Головахи*. Левада родился в Украине, знал и любил украинскую культуру и язык и после перестройки старался участвовать в научной и общественной жизни этой страны. По мнению Головахи, в сознании мыслящей части украинской интеллигенции Левада олицетворял все лучшее, что есть в российской общественной жизни, и для них его смерть стала не меньшей потерей, чем для россиян, сумевших сохранить свободумыслие и независимость от власти. И далее он отмечает: “... всем нам — и в России, и в Украине, — крайне необходимо понять удивительный феномен жизни и личности Юрия Левады, с именем которого связаны, возможно, две самые драматические и героические страницы в истории “застойной” советской и современной российской социологии; человеческие качества которого не могли не восхищать людей, способных ценить мужество, благородство и преданность науке, а способность быть лидером и организатором работы научной школы была по-своему уникальной” (с. 253).

Представляется, что все эти суждения не просто характеризуют с разных сторон Леваду, но одновременно формируют каркас, систему координат для будущего изучения его ценностной структуры и его научного наследия. Если же говорить о содержании всех текстов, включенных в сборник, то в совокупности они прослеживают всю его жизненную траекторию: с раннего детства до — буквально — последних минут жизни. Они позволяют заглянуть в его предбиографию (генеалогия, родительская семья), ознакомиться с биографией (школа, университет, исследовательская и общественно-политическая деятельность, собственная семья) и заглянуть в постбиографию. Другими словами, задуматься о судьбе его творческого наследия.

Мне приходилось писать ранее о такой редкой стороне научного творчества Левады, как биографичность, то есть о присутствии в его социолого-культурологических работах последних лет рефлексий по поводу увиденного и пережитого им. Тексты обсуждаемой книги, во всяком случае, для меня, усиливают этот вывод, ибо видно, как в Леваде формировались личные и профессиональные качества и как продуманное укладывалось в его собственную, можно сказать — уникальную, картину мира. В произведениях прозаиков, тем более — поэтов и композиторов, биографичность считается нормой, социальным исследователям отказывают в ней, говоря, что биографичность противоречит объективности. Левада как методолог, социолог и культуролог, прошедший через все слои философии и понимавший природу научного творчества, осознавал, что такая степень погруженности в события, которые он наблюдал, автоматически включает в проводимый им анализ прошитое и продуманное. Очевидно, он не писал об этом прямо в своих текстах, но и освободиться от этих впечатлений и размышлений он не мог. И не стремился. Они явно присутствуют в его

многочисленных статьях и выступлениях постперестроечного времени. Следовательно, изучение научного наследия Левады позволит лучше понять и его личность.

Можно согласиться с А.Левинсоном: Левада сам предиктовал смерти время прихода; оказывается, с точностью до дня. Книга открывается беглым фломастерным рисунком, который оставил Ю.Левада на столе, уходя на работу в свой последний день жизни. Это — ангел. Таким увидела это изображение Тамара Васильевна при первом взгляде. Но когда ей позвонили с работы и сказали, что Юрия Александровича больше нет, она — так случилось — развернула лист и увидела там ангела в ином ракурсе. Он плакал. Этот скорбящий ангел размещен на последней странице книги.

Поясню, почему настоящие заметки озаглавлены “Портрет для потомков”. Один пласт аргументов сводится к тому, что рассматриваемый сборник содержит богатейшую фактологическую информацию о Леваде и о среде, в том числе — коммуникационной, в которой протекала его жизнь и деятельность. Таким образом, сегодня и в будущем социальные исследователи могут познакомиться с человеком, внесшим значимый вклад в различные области социальной науки и много сделавшим для раскрытия сути социальной жизни России и сознания россиян в период перехода от тоталитарного общества к обществу, базирующемуся на более демократических принципах. Другой пласт объяснений акцентирует внимание читателей на вызовах частного и общего характера, произрастающих из содержания материалов сборника. Первые — акцентируют необходимость продолжения историко-биографических поисков, фокусированных именно на прочтении, раскрытии, раскодировании “феномена Левады”. Вторые — указывают на важность рассмотрения творческой биографии Левады как представителя первого поколения советских/российских социологов. Эту когорту легко обозначить: имена практически всех их названы в сборнике, и многие являются соавторами книги. В целом масштаб исследовательской деятельности Левады и его роль в обществе и в профессиональном сообществе дают возможность для будущих историков российской социологии широкое поле деятельности как собственно биографической направленности, так и в плане общих проблем социологии социологии, включая вопросы соотношения науки и морали, общественного и личного.

Еще в 2007 году я опубликовал статью (с некоторыми сокращениями она вошла в рассматриваемый сборник), в которой для характеристики отношения Левады к своему делу и к себе я обратился к рассказу-притче Хемингуэя о старике и море [Докторов, 2007]. Приведу здесь этот фрагмент, не только потому, что и сейчас считаю обоснованной эту метафору, но и потому, что Тамара Васильевна, завершая рассказ о муже, пишет: “Сам Старик в эти годы преодолел почти 20-летнюю полосу отчуждения от своего дела” и “Но Старик оставался все тем же удивительным человеком” (с. 73). Да и вообще в обыденном лексиконе Левады всегда сохранялось шестидесятилетнее “старик”.

Одна из ключевых, стержневых тем произведения Хемингуэя передана в словах старика, обращенных к мальчику: “Твой не любит уходить слишком далеко от берега”. Речь идет о хозяйне лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями — море и человек — имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик — это он. Море — это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыбина — это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, культуролога, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: “Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некомо помочь ни ей, ни мне”. Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических и нравственных

проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что “человек в море никогда не бывает одинок”, так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и беспрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”, об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима.

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то рядом находится его большая рыба. Старик говорил себе: “Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов”. Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому счастью, которое пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью.

На церемонии прощания с Юрием Александровичем Левадой профессор В.Ядов сказал: “Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: “Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?” Он отвечает: “Нет”. Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен” [Демина, 2006]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за “рыбой” не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом — со стаей акул, говорил себе: “Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру”. Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: “Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя... — Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море”.

Литература

Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В.Левада. — М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.

Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Изд-во “Универс-группа”, 2004.

Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006. —

<<http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>

Докторов Б. Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. — 2007. — № 6. — С. 67–82.

Интервью с В. Ядовым. — <<http://www.polit.ru/analytics/2010/04/28/levada.html>>.

Международная биографическая инициатива. —

<<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Соколов Э.В. В миру и наедине с собой. —

<http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>.

Столович Л.Н. Евреи шутят. — Тарту; СПб., 2009.

Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. — СПб: ЕУ в СПб, 2003..

Цикл “Взрослые люди” <<http://www.polit.ru/story/vzr.html>>.

Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. — СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 2003.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ОССОВСКОГО

3 июня 2010 года ушел из жизни Владимир Леонидович Осовский — профессор кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”, один из основателей современной украинской социологии.

Владимир Леонидович родился 2 октября 1935 года в Одессе. Закончил Одесский государственный университет им. И.И.Мечникова (1960), аспирантуру Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко (1968). Преподавал в сельской школе (1961–1963), потом в Одесском политехническом институте (1963–1966), в Киевском институте народного хозяйства (1968–1970), был старшим научным сотрудником Института философии АН Украины (1970–1979) и заведующим отделом Института философии АН Украины (1979–1989). В 1989–1990 годах работал в Институте политологии и социального управления, в 1990–1992 годах — в Секретариате Верховной Рады Украины. В 1992–1993 годах занимал должность заведующего отделом Института социологии НАН Украины, а в 1993–1996 годах — заместителя директора Института социологии НАН Украины. С 1997-го до 2010-го был профессором кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”.

В 1969 году Владимир Леонидович защитил кандидатскую диссертацию “Общие и специфические факторы развития производственной демократии”, а в 1986-м — докторскую диссертацию “Ценности профессиональной деятельности (опыт и методологические проблемы социологического исследования)” и получил научную степень доктора философии по специальности “Прикладная социология”. В 1989 году ему присвоили ученое звание профессора.

Владимир Леонидович был членом специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Института социологии НАН Украины, возглавлял редколлегию журнала “Научные записки НаУКМА. Социологические науки”, был членом редколлегии журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, членом редакционного совета журнала “Социологические исследования” (Москва).

Научные и исследовательские интересы Владимира Леонидовича были сконцентрированы в сфере социологии общественного мнения, социологии массовых коммуникаций, методологии социологических исследований. Владимир Леонидович является автором более 80 научных работ, включая монографию “Активность трудящихся в управлении производством” (1973), “Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи” (в соавторстве, 1979), “Трудовые ориентации молодежи: опыт и программа социологического исследования” (1985), “Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи” (в соавторстве, 1987), “Массовая информация и общественное мнение” (в соавторстве, 1990), “Общественное мнение и власть: механизмы взаимодействия” (в соавторстве, 1993) и учебное пособие “Социология общественного мнения” (2005).

Неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности В. Оссовского была подготовка молодых ученых и преподавателей. Под его руководством полтора десятка аспирантов и докторантов успешно защитили диссертации.

На кафедре социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия” Владимир Леонидович преподавал курсы “Общая социология”, “Качественные методы социологических исследований”, “Социология массовых коммуникаций”, “Социология общественного мнения”.

С 1997 года именно Владимир Леонидович преподавал каждому новому поколению студентов-социологов Могилянки азы социологической науки, причем преподавал так, что никто не оставался равнодушным или неудовлетворенным. Первокурсники при первом знакомстве с социологией при посредничестве Владимира Леонидовича получали самые приятные впечатления, выбранная ими специальность становилась более интересной и полезной для всестороннего и целостного понимания общества, в котором они живут. Своими впечатлениями студенты обмениваются в виртуальном пространстве могилянковского форума, где анонимность и неформальность способствует откровенности. Вот лишь несколько высказываний, с сохранением неформального студенческого стиля:

“И вообще, в свое время, когда мы были испуганными фрешами, которых знакомили с кафедрой, именно Оссовский был тем добрым дяденькой, который сказал что-то очень позитивное и всех успокоил.”

“Оссовский замечательный!!! Он поражает только приятно!!! А действительно, дядя просто супер, по крайней мере умеет преподавать материал интересно и ненапряжно. И просто, я люблю Оссовского за стиль подачи материала. С ним иногда и весело бывает”.

“Оссовский — прекрасный. Может, у него есть свои недостатки, но положительные моменты для меня их затмевают. И вообще, я его люблю...”

“Лекции суперовые! Да и семинары были неплохие... Классический гуманистический подход к обучению... Если тебе это нужно — учи, если нет — твои проблемы, тебя же никто не напрягает, а та оценка, которую ты потом получаешь, как раз и показывает то, насколько ты заинтересован тем, что учишь...”

Вспоминая Владимира Леонидовича, невольно спрашиваем себя, а смогли бы мы, прожив длинную нелегкую жизнь, сохранить откровенность и доброжелательность, готовность по первому зову прийти на помощь, высокий профессиональный уровень, умение и желание вновь и вновь терпеливо отвечать на бесконечные “почему?” каждого нового поколения юных социологов.

А Владимир Леонидович мог...

*Коллеги по кафедре социологии
Национального университета “Киево-Могилянская академия”*

Мой Оссовский

“Луковица памяти”, говорит Гюнтер Грасс, вспоминая свою долгую жизнь и длинную историю. Когда всякий раз подступают слезы, лишь стоит коснуться прозрачных лепестков того времени, которое не вернуть и не изменить. Должно быть, у каждого, перешедшего какие-то рубежи, уже припасен этот сочащийся горьким нектаром плод, вобравший в себя всю нашу сентиментальность и немоту, которые и есть самым первым жестом, обращенным вослед. Но на моем столе в хрупком сосуде какие-то другие диковинные плоды, источающие головокружительный аромат, перехватывающий дыхание, чтобы скрыть их терпкий до левосторонней боли привкус. Как будто незаметно их становится больше и больше, но всегда они будут наперечет. Эти простые вычислительные операции происходят сами собой, по случаю и неизвестно почему, застают врасплох в предназначенных не для того ситуациях, когда вроде бы все, наконец-то, нормально, и безмятежность уже вырисовывается на горизонте. Состояния памяти, что теперь постоянно нас сопровождают.

Об этом я еще ничего не знаю, стоя в коридоре шестого этажа на Кирова, 4 и ожидая Оссовского Владимира Леонидовича, как мне назвали его имя. Из открытой двери доносится голос Веры Илларионовны (похоже, она успела меня рассмотреть) с обещанием взять к себе в машбюро, если что. И вот импозантный, со смеющимися глазами и светлеющей рыжей шевелюрой человек вертит в руках, как какую-то непонятную вещь, мой университетский диплом об испанском экзистенциализме. А знакома ли я с кон-

тент-анализом? Да конечно же, не знакома, и если честно, впервые о нем слышу. Спасительная констатация, слава богу, опережает мой испуг: “Ну что ж, Вы нам подходите”. Кто знает, как возникают структуры родства, — из слов, интонации, движений, манеры шутить, из чего-то неведомого, что связывает навсегда. Всего лишь конец октября 75-го, и все впереди. У нас, его первых аспирантов, переполненных праведными и неправедными желаниями молодости. И у него, — ведь всего-то середина пути, значит много моложе нас теперешних.

“И вот гостиный дом поповский почти что весь отдали нам. И мы смогли принять двух дам, со вкусом выбранных Оссовским” (надеюсь, Володя Паниотто простит меня за цитирование без спроса, правда, сам недавно вспоминал эти строчки). И тех, и других уже, конечно, больше, получается группа, потом отдел, его отдел, с неповторимой и удивительной атмосферой, как принято вспоминать о днях своей юности, хотя в этом случае характеристики вполне соответствуют истине. Одной из дам Оссовский тут же приносит “Social Research” со статьей про анализ биографий в бизнесе и пару номеров “Kultura i społeczeństwo”. Это было любопытно, непохоже на то, чем мне казалась социология, резонирующая на призывы устрашающих структур и институтов. Здесь немаловажными были люди, то, что они думают о себе и об обществе, как говорят об этом публично. Здесь была лояльность к культуре, к текстам — историческим, художественным, журналистским, которые, как оказалось, тоже можно помыслить социологически. Для Владимира Леонидовича гуманитарный взгляд на совместную жизнь людей всегда был первостепенен, шла ли речь о ценностях трудовой деятельности, престиже профессий или общественном мнении. “Ползучий эмпиризм”, как он нередко именовал свою ориентацию, служил лишь надежным тому прикрытием.

Тщетным было недоумевать, откуда столь поразительная чувствительность к социологии в этом одесском мальчишке, который, конечно же, никуда не делся, превратившись со временем в уравновешенного академического профессора. Наследство ли это порто-франко, фамильное социологическое эхо польских кровей, завидное здравомыслие, способность находить чтение интересным делом, или же это что-то еще, что мне так и не случилось понять. До сих пор восхищает, как им, самым первым, среди которых и он, — Ирине Марковне Поповой, Елене Александровне Якубе, Вилену Филипповичу Ченоволенко, Владимиру Леонидовичу Оссовскому и тем, к сожалению немногим, кто и сегодня в строю, — удалось осуществить этот проект под названием “Украинская социология”, почти авантюрное и небезобидное по тем временам предприятие, и делать ту социологию, по которой мы сейчас тоскуем и которая осталась только в книгах и пересказах. Книги и статьи В.Оссовского принадлежат к разряду хрестоматийных и неизбежно библиографически редких. Читайте их, наши молодые коллеги. Ведь, скажем, интерес к профессиональным идеологиям и качественным методам зафиксирован в них задолго до популярности всевозможных имиджевых исследований. А “воронка опинии”, сконструированная по канонам социологической классики, — пожалуй, одна из ключевых на сегодняшний день моделей, дающих понять, как в обществе возникают настроения и складываются мнения и как следовало бы их изучать.

Душным вечером 3 июня 2010 года Владимира Леонидовича Оссовского не стало. Погребальное цунами этого лета не посчиталось ни с чем, обернувшись неумолимой утратой для тех, кто находился с ним рядом, когда в тесной комнате № 90 по ул. Героев Революции, 4 (ныне — Трехсвятительской) нас воодушевляли общие планы. Дорогой и важный для нас человек, который повлиял на нашу судьбу, предопределив однажды профессиональный выбор. Это ведь только сейчас понятно, как многому он научил, не читая нам курса лекций, как везучим недавним студентам, но постоянно присутствуя в любых наших попытках заниматься социологией, ненавязчиво их корректируя, удерживая деликатную дистанцию и всегда давая возможность двигаться, как нам казалось, самостоятельно. За его категоричным “это твои проблемы” без труда угадывалась маскируемая тревожность по поводу этих самых проблем, и всегда хотелось писать так, чтобы он был за тебя спокоен. Тем, что он делал и как он делал, он прививал вкус к предмету, к хорошему чтению, вводя в обиход новейшее знание, западный опыт в исследованиях культуры, образцы внятного научного высказывания, и, будучи либеральным к интеллектуальным притязаниям других, всегда оставался самым чутким камертоном, безошибочно распознающим и не приемлющим фальши в нашей науке. Потому как, конечно же, был уверен, что “социология — это то, чем занимаются социологи”, и кредо профессии — не пустой разговор. Должно быть, никто иной не сумел бы точнее определять дисциплинарные пределы наших изысканий, демонстрируя то, что называется социологическим подходом. Или уже позже, на ученых советах в Институте социологии давать точные комментарии по существу вопроса, расставляя по местам позиции и оценки, как и подобает мэтру. Делал это легко, казалось бы на минуту оторвавшись от спортивных новостей в лежащей перед ним газете, без какого-либо желания уличать и ставить на вид. Скорее, из той самой любви к искусству, которую ныне считают анахронизмом и не-

позволительной расточительностью личного энергетического ресурса. Это была его привилегия. Он научил понимать, что идеологические императивы — всего лишь обстоятельства, а не условия размышлений об обществе, что профессиональная карьера выстраивается эволюционно, естественным путем, где мнимое или излишнее рвение и неприглядная суетливость едва ли оправданны.

Казалось, он занимался тем, что ему нравится. Но так ли это было во всем?..

Вот он мягко движется нам навстречу с теннисной сумкой и свежими польскими журналами подмышкой. Человек-стиль, не обременявший других вниманием к себе. Обидно, что последнее время мы встречались нечасто, но всегда думалось, что еще обязательно увидимся и поговорим не на бегу. Разве могло быть иначе. Ах, как же он поспешил, как поторопился, должно быть, невероятно устав от неразберихи последних лет. Странно осознавать себя едва ли не самыми старшими теперь свидетелями его жизни, как все это время он был значимым свидетелем нашей. И пока мы еще здесь, будем помнить о нем с бесконечной любовью и признательностью, с грустью отдавая истории дорогие нашему сердцу имена.

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая отделом социологии культуры и массовых коммуникаций Института социологии НАН Украины

Не изменяя призванию

...Умер профессор В. Оссовский, стоявший в далекие 1960-е у истоков современной украинской социологии. Его книги по социологии общественного мнения сделали автора классиком при жизни, как поляка Я.Щепаньского, как россиянина В.Ядова... С такими людьми, как Оссовский, окончательно уходит от нас ХХ век. По образованию историк, Владимир Леонидович с молодых лет оттачивал в себе социальную наблюдательность и аналитические способности, позволившие ему стать компетентным знатоком устройства общества. Будучи по сути самоучкой в социологии, вовремя услышав свое призвание, он достиг статуса создателя профессиональной среды, той питательной почвы, на которой взростали последующие поколения ученых. В условиях постоянно действовавшего идеологического пресса в годы, верхоглядно именуемые ныне застойными, Оссовскому удавалось поддерживать высокие стандарты профессионализма и научной этики. В душе он не любил многих партийных начальников, знал им цену как ортодоксам и догматикам, но соблюдал в интересах дела внешнюю сторону тогдашних правил игры. В рамках той системы были “зазоры” и, делая ритуальные ссылки на “вождей”, удавалось заниматься конкретной исследова-

льской проблематикой. Ему была свойственна стратегическая мудрость и гибкость поведения — не соглашаясь во всем с властью, порой даже саркастически подшучивая над нею, вместе с тем удерживаться от открытого оппонирования, не выслуживаться рьяно, но искусно лавировать во взаимодействии с бюрократами. Он не закрепощал аспирантов и молодых ученых жесткими понятийными схемами и методологическими канонами, давал свободно самовыражаться и раскрываться в науке. Многие ныне действующие социологи помнят его яркие, образные выступления на ученых советах, многочисленных защитах диссертаций, всегда со свежими интересными мыслями, оригинальными трактовками в отношении уже, казалось бы, изученных процессов и явлений, с готовностью выйти за рамки традиции и устоявшихся воззрений.

Владимир Леонидович всегда досадовал, какую незначительную часть материала прорабатывают социологи из всего массива анкет, сколько информации остается неописанной и неосмысленной из-за пресловутой текучки. Надежды Оссовского на то, что власти прислушаются к мнению социологов, что результаты их работы будут учтены и использованы должным образом, с началом перестройки получили новый импульс. В рубежные для нашей страны годы (1990–1992) он возглавил авторитетную Группу социологических исследований Секретариата Верховной Рады Украины, усилиями которой были проведены масштабные всеукраинские опросы населения по общественно значимым темам. Он всегда отстаивал необходимость четких, однозначных, логически непротиворечивых формулировок вопросов анкет, дабы не происходила “реакция бумаги на карандаш”, искажение эмпирической информации вследствие сбоя в понимании респондентами сути поставленного вопроса. К слову, он один из первых ученых заметил, что вопрос, вынесенный на Всесоюзный референдум в марте 1991 года, был с социологической точки зрения поставлен некорректно (в нем содержалось несколько подвопросов) и мог быть интерпретирован неоднозначно, что впоследствии и произошло. Однако новой украинской власти шибко умные были не нужны, и упомянутую группу вскоре расформировали.

Владимир Леонидович систематически, в течение многих десятилетий читал “толстые” журналы (“Новый мир”, “Дружбу народов” и др.), и я зачастую смиренно ждал своей очереди в читальном зале, чтобы получить очередной номер из рук мэтра. Его знания были гораздо обширнее того, что отразилось в его монографиях и статьях. Большой общественный резонанс имело устное слово Оссовского — в лекционно-преподавательской деятельности и межличностном общении. Его обожали студенты, право на звание профессора он доказывал ежедневно, вплоть до своей кончины. Всегда обаятельный, галантный, он ценил юмор, умел к месту вернуть социальный анекдот, сформулировать афоризм в духе Станислава Ежи Леца. Главным уроком из тех, что преподавал нам Владимир Леонидович, считаю пример того, как с невозмутимым достоинством заниматься своим делом, не обращая внимания на генсеков и президентов. Он был из тех интеллектуалов, которые даже в самые безнадежные времена оставались внутренне свободными. Вместе с тем, по глубокому убеждению Владимира Леонидовича, философы и социологи должны активнее включаться в систему массовых коммуникаций, влиять на общественное мнение, быть в идеале властителями дум, а не отдавать эту сферу на откуп самозванным экспертам или поверх-

ностным шоуменам. Владимир Леонидович, к сожалению, не дожил до того времени, когда интеллигенция определит облик власти, он, по правде говоря, и не надеялся на воцарение некоего идеального общества, но, строя свою жизнь на основе глубокого понимания людей и общества, он, как мог, приближал его. Сознвая это или нет, молодое поколение социологов Украины стоит на плечах шестидесятников, одним из ярких представителей которых был Владимир Леонидович Оссовский. Расшифровка адресованного нам его послания, его неподражаемого стиля жизни еще предстоит.

*АЛЕКСЕЙ БЕЛЕНКО,
ведущий социолог отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Метаморфозы материализма в интерпретациях общественного мнения

Памяти моего учителя, выдающегося ученого, основателя социологии общественного мнения и социологии массовых коммуникаций в Украине В.Л.Оссовского посвящается...

Первыми шагами изучения общественного мнения аудитории массовых коммуникаций в Украине можно считать середину 1980-х годов, когда, предвосхищая волну трансформационных процессов, в философских и социологических кругах начинается изучение процессов формирования общественного мнения под воздействием масс-медиа. Особое внимание к этим процессам со стороны идеологических структур — неопровержимый факт, но все же ученым такого уровня, как В.Оссовский, В.Волович, В.Черноволенко, удастся сохранить как свою научную позицию, так и свое предвидение процессов, которые вскоре превратят стагнирующую страну в страну протекания глубинных трансформаций. В апреле 1990 года Украинское отделение Социологической Ассоциации СССР превращается решением съезда в САУ — Социологическую Ассоциацию Украины, где впервые образуется секция научных исследований общественного мнения, которую возглавляет тогдашний заведомо общественного мнения Института философии АН УССР В.Оссовский. После бурных перемен 1990–1991 годов и основания Института социологии Академии наук независимой Украины первым заведующим отделом социологии политики и общественного мнения становится В.Оссовский. Он был и первым руководителем группы социологических исследований в Верховной Раде Украины в 1990–1992 годах, прокладывая путь возможностям более осмысленных, научно обоснованных преобразований, которые словно цунами накатывались то на экономическую, то на социально-политическую сферу общественной жизни.

Многим участникам социологической конференции осенью 1993 года запомнился блестящий, глубоко методологический доклад В.Л.Оссовского, который указывал путь для дальнейших исследований и анализа общественно-политической ситуации того времени и ее отражения в общественном мнении.

Теоретическими постулатами для всех, кто занимался тогда непосредственно изучением общественного мнения, стали тезисы В.Оссовского о существовании манипулятивной и гуманитарной стратегий формирования общественного мнения, о мнимости и реальности границ медиапространства и его влиянии на общественное мнение, о поллстерах и поллстеризме, который вскоре захватит социологическое поле практически 80% украинских социологических центров — ячеек изучения общественного мнения населения Украины и др.

Блестящий мыслитель, Владимир Леонидович умел повести за ходом своих идей многих, убедить, разъясняя самое сложное, дать толчок научным поискам молодых социологов.

Нужно быть гениально предусмотрительным человеком, чтобы разглядеть за иногда избыточной политической активностью периода первых лет независимости черты глубокого затяжного кризиса, который постигнет отечественный политикум уже в конце 1990-х, на изломе веков.

Благодаря отсутствию у В.Оссовского постмодернистских увлечений, присущих в определенный период многим ведущим отечественным социологам-теоретикам мы имеем сегодня достаточно стройную теоретическую базу “социологии явлений массового сознания” (так, забегая вперед, можно переименовать социологию общественного мнения, которая теряет в последнее время полноту смысла своего основного предикативного конструкта: “общественное мнение”). Вспоминается дальновидность суждений В.Оссовского относительно необходимости изменения методологии социогруппового подхода в интерпретациях мнений, собранных как простая сумма субъективных “реакций бумаги на карандаш”; постановка вопроса о необходимости “четко отмежевать настоящих субъектов общественного мнения от артефактов, сконструированных исследователем, а кое-где и *демагогом* (курс. мой. — *О.С.*), от механической суммы множеств индивидуальных мыслей, которые весьма часто с помощью компьютера приравниваются к общественному мнению” [Оссовский, 2001: с. 111–112].

С благодарностью вспоминаю еще одну значимую фигуру отечественной социологии, знакомство с которой состоялось именно благодаря Владимиру Леонидовичу, это Ирина Марковна Попова, научное творчество которой по своей значимости для становления отечественной социологической науки времен независимости, сопоставимо лишь с научной деятельностью Элизабет Ноэль послевоенных лет.

Еще в 2000 году И.Попова обращала внимание на то, что данные социологических опросов последних лет XX века свидетельствовали, что повседневное сознание “постсоветских” людей можно отнести к так называемому “вырожденному” случаю идеологии, ведь она уже не являет собой некий целостный конструкт, организованный, объединенный какой-либо консолидирующей идеей. Такие изменения повседневной идеологии отражаются также и на особенностях идентификации. Как отмечала И.М.Попова, люди преимущественно идентифицируют себя с группами “повседневных практик”, с семьей и близкими, а не с “конструируемыми общностями” [Попова, 2000].

Причем в идентификационной стратегии преобладает “приспособление к условиям жизни ради элементарного выживания” [Данилова, 1997: с. 17].

Именно с фигурами В.Оссовского и И.Поповой связаны в современной отечественной социологии методологические основы изучения таких сложных пластов сознания, как массовое сознание и его антипод — повседневное сознание. И важнейший парадокс здесь заключается в том, что их точки зрения совпадают в определенной базовой опоре на постклассические теории материализма постмарксистского и частично постфордистского плана. Конечно, социология остается материалистически ориентированной отраслью научного познания, тем более в сфере эмпирических исследований общественного мнения. Реально существующий носитель общественного мнения должен быть включен в определенные институционализированные отношения, то есть “упорядоченные и регулируемые” в соответствии с общими для сторон образцами социального действия. Далее В.Оссовский подчеркивает: “...конституирование субъектов общественного мнения происходит в рамках и под воздействием глобальных социальных структур, состояние и особенности развития которых нельзя не принимать во внимание. Именно поэтому, выделяя типы субъектов общественных мнений, мы будем рассматривать их в контексте типа общества, в котором они функционируют, и прежде всего в контексте общества, которое трансформируется от тоталитарного к — по крайней мере виртуально — открытому гражданскому обществу” [Оссовский, 2001: с. 109].

Метаморфозы материализма в свете будущей виртуальной открытости общества проявляются сегодня особенно очевидно: попытка совместить западные образцы стиля, качества, уровня жизни с постулатами постмодернистских идей и подходов на фоне нашей повседневности не выдерживают “испытания”.

Вопрос корректности в интерпретациях эмпирических данных — один из тех, что постоянно волнуют действительно ответственных профессиональных социологов. А именно такими были и В.Оссовский, и И.Попова. В статье “Поллинг versus социологическое исследование общественного мнения” В.Оссовский пишет: “если для поллстера ответы респондента являются составляющими и элементами общественного мнения, для социолога — всего лишь его образами и симптомами, строительным материалом для реконструкции общественного мнения” [Оссовский, 2002: с. 213]. Для четкости различения между поллингом и исследованиями общественного мнения вспомним тезис Дж.Гэллага о константности массового сознания, об отражении в ней определенных изменений общественного мнения по поводу конкретных социально-политических и жизненных ситуаций, об отражении того, что он называл “пульсом демократии”. Смелость и доступность большинства тезисов В.Оссовского тоже были и остаются для большинства социологов настоящим пульсом демократии, но уже теперь в их собственной научной деятельности: “Социология как наука имеет значительную автономию и планирует свои исследования в многолетней перспективе, учитывая уровень своего актуального развития, общественных потребностей, а в идеале — ориентируясь на поиск истины” [Оссовский, 2002: с. 214].

Одно из важнейших направлений современной социологии — изучение и выработка новых моделей существования общества, ведь одной из важнейших функций социологии является ее прогностическая функция. Модель общества, которая служит поллстерам, — это, бесспорно, массовое об-